

Часовня реклюзиама «Шрама» была пуста. Кнут преклонил колено под сводчатым потолком, опустив глаза в пол из черного мрамора. От отполированного пола отражалось величие витражного стекла окна за алтарем – изображение Деметрия Катафалка рядом с Рогом Дорном в крестовом походе покаяния после Ереси Гора. Керш поднял взгляд вверх. Перед прекрасным пиктом, установленном на алтаре, лежал кованный стазисный контейнер. Из украшенной драгоценностями емкости исходили жужжащие звуки, заглушаемые лишь хором сервиторов. Капеллан Дардарий приказал вмонтировать дроны в каменные постаменты, и те, словно статуи, были выстроены в линию по всему помещению. Керш был облачен в полный боевой доспех, как того предписывали дарованные ему почести. На пути к родному миру Сдирателей Кнут полностью оправился от ран, полученных в Клетке, и ему, с молчаливого одобрения труп-капитана Гедеона, было позволено носить боевую броню в знак признания заслуг Сдирателя. Керш не одевал броню с того дня, когда Тьма завладела им. Со дня, когда он потерял Стигмученик.

В тот день он позволил ублюдкам из Альфа Легиона пробиться к его господину и вонзить в его плоть свои отравленные клыки. Кнут испытал смешанные чувства, снова облачившись в комплект брони. С одной стороны он почувствовал облегчения от того, что его неотъемлемая часть снова была при нем, но глубоко внутри укоренилось чувство стыда за эту радость. Он вырвался из Тьмы, но погрузил в нее свой Орден, лишившийся своего стяга и разрывааемый сомнениями и печалью. Сдиратель пребывал в полном здравии, пока его магистр мучился в агонии. Кнут выжил, но погибли многие из его братьев. Эти мысли, словно каменная глыба, давили на Керша и, после ежедневного ритуала «облачения в мантию Дорна», Сдиратель проводил время, медитируя в часовне реклюзиама в поисках мудрости и силы духа примарха. Керш не сомневался, что Гедеон позволил ему облачиться в броню по доброй воле. Окольный маршрут «Шрама» на Эскару позволял принимать на борт боевых братьев, возвращавшихся со своих боевых заданий или битв, а также форпостов в каждом участке сегментума. Все ветераны «Пира мечей» возвращались к своим труп-капитанам, проходя небольшую, но величественную церемонию, на которой присутствовали как их боевые братья, так и старшие офицеры, другие участники и сам Гедеон. Будучи чемпионом состязаний, Керш также был обязан пройти этот ритуал в полном боевом облачении. Кнут понимал, что церемония не означала восстановленное уважение со стороны его братьев, просто отсутствие чемпиона на данном мероприятии стало бы постыдным поступком для командующего «Шрама». Гедеон также принял решение позволить Кнуту последний раз увидеть своего командира, самого магистра Ордена. Так как конечным пунктом назначения Сдирателей был их дом, мир Эскара, это решение не было каким-то нонсенсом. Но все же, эти решения не унимали беспокойство Керша. Он поклялся Гедеону и Эзраки, что будет умолять магистра Ишабольда о прощении и просить санктиарха Бальтазара благословить его на крестовый поход искупления, чтобы отыскать Альфа Легион и вернуть драгоценные реликвии Ордена. Только преодолев эти препятствия Кнут смог бы свершить возмездие, реабилитироваться перед своими братьями и обрести душевный покой. Рядом с Кнутом находились его сервы, безмолвно наблюдая за своим господином. Пока техnodесантник Хадрак занимался ремонтом древней брони и обслуживанием духа-машины, обязанности по проведению ритуалов легли на плечи сенешаля, ликтора и обтирателя Керша. Броня была достаточно массивной, но идеально подходящей для Кнута Ордена Сдирателей. Каждому Сдирателю со временем выпадала честь нести стяг Ордена или облачиться в древнюю броню. Стигмученик, на стяге Ордена, символизировал нерушимые узы братства. Керш представлял себя этим мучеником, однако его личная утрата была куда более тяжелой. Печати чистоты, цепочки и затяжки из коричневой кожи облепили весь корпус доспеха. Броня считалась реликвией Ордена и была усовершенствована лучшими кузнецами Адептус Астартес. Керамитовая поверхность была усеяна вмятинами, словно поверхность луны. Поверх краски цвета слоновой кости попадались серебристо-серые следы

ожогов и попаданий болтерных снарядов, полученных в бесчисленном количестве битв. Шлем, лежавший на камне перед Кнутом, также был наглядным доказательством звания ветерана Ордена. Он демонстрировал ужасающую воинственность, его решетка была похожа на беззубую пасть монстра, а линзы – на глаза змеи, колорит дополняли шипы, похожие на небольшие рога. Мясистые ручища Орена были покрыты священным маслом для обработки древних пластин наплечников. На каждой из них был изображен Стигмученик: кованные керамитовые рукавицы сжимающие разряд молнии. Священными маслами омывались шрамы, а для брони они использовались в качестве дополнительной духовной защиты. Вифезда стояла позади Сдирателя, читая молитвы ношения и починки брони, взятые из трактата веры, ее голос был похож на шепот на фоне песнопений сервиторов. Старый Енох склонился над наручем, держа перо с алмазным наконечником, он наносил дату и место битвы над каждой зазубриной, отметиной или вмятиной. Каждое дополнение сенешаля содержало имя : Игнис Прайм. Планета, на которую прибыл магистр Кезия Ишабольд для инспекции гарнизона Сдирателей, размещенного на вершине горы, только чтобы обнаружить место бойни и попасть в засаду Альфа Легиона. Именно здесь, забаррикадировавшись в ораториуме, Захария Керш впал во Тьму, подведя магистра Ордена и позволив Альфа Легиону одержать полную победу. Кнут моргнул, отогнав воспоминание.

- Где капеллан? – спросил он.

Он пришел в часовню, чтобы предстать перед капелланом Дардарием и принять его решение. Поместив «Меч Дорна» в своем небольшом храме, капеллан редко выходил оттуда. Старый Енох пробормотал что-то невнятное.

- Труп-капитан уже послал за ним, мой господин, - ответила Вифезда, захлопнув трактат.

Глаза Керша сузились.

- Двигатели остановились.

Старый Енох кивнул. Легкое подрагивание пола прекратилось. Во время долгого путешествия с Самарканда небольшие скачки и частая дрожь под ногами стали обычным явлением. Так как «Шраму» случалось проходить между крейсерами, облетать гарнизоны и зоны боевых действий Сдирателей, Керш узнал, что поиски антидота для токсина, от которого умирал магистр Ордена, затянулись, не принеся желаемого результата. Ядовитая окружающая среда в самых опасных уголках галактики и мирах смерти не хотела просто так расставаться со своими секретами. Новости о победе Керша на «Пире мечей» действительно немного улучшили настрой его боевых братьев, но не облегчало их бремя по охране границ Ока Ужаса. Слуги Темных Богов всегда были готовы проверить на прочность бастионы Сдирателей, и, из-за мелких неудач, количество братьев, способных восполнять потери в гарнизонах, становилось все меньше и меньше.

- Достаточно, - приказал Керш, подняв свой шлем с пола и встав с колена. Древнее оружие отличалось небольшими размерами и находилось в удобном положении для мгновенной изготонке к стрельбе, плюс ко всему позволяло Кнуту носить на боку не один, а два гладиуса.

С правой стороны доспеха Кнута, в кожаной кобуре, покоился болт-пистолет Марк II. Набалдашник на рукояти одного из гладиусов напоминал коготь Имперской аквилы. Этот гладиус, как и пистолет, были частью реликтовой брони, прилагающиеся к статусу Кнута Ордена.

Второе оружие представляло собой простой клинок, который Кнут носил со дня его инициации в Адептус Астартес. Сдиратель использовал его, как вспомогательное оружие. Оберегая стяг и жизнь магистра, Керш не хотел пасть от руки врага из-за отсутствия оружия, а многие чемпионы противника были слишком искусны в деле обезоруживания своих оппонентов. Однако Тьма оказалась выше стратегий Кнута. Церемонии Гедеоны не обязывали Керша носить такой арсенал, но при путешествии в пространстве рядом с Оком Ужаса всем боевым братьям предписывалось быть готовым к нападению и abordажам, а также непредсказуемым вылазкам тварей варпа. Сервы опустили глаза и удалились на почтительное расстояние. Кнут повернулся к сенешалю.

- Выясни, почему двигатели заглохли.

Енох поклонился и покинул своего господина.

- А вы ступайте и молитесь, - произнес он, обращаясь к Везеде и Орену.

Ликтор и обтератель последовали примеру их отца и поспешили удалиться из часовни. Кнут подошел к алтарю. Украшенный камнями контейнер был закрыт. Бросив взгляд через плечо, Керш обнаружил, что кроме слепого хора в часовне никого нет. Нажав на две мигающие кнопки, Кнут деактивировал силовое поле и открыл контейнер. Внутри лежал «Меч Дорна». Без ножен. Простой. И в то же время великолепный. Спартанская чистота оружия шокировала Кнута. Среди множества воинов, даже среди Адептус Астартсе, бытует неписанное правило - чем опытнее мечник, тем богаче украшено его оружие. «Меч Дорна» олицетворял историю легиона. Он был воплощением почестей, навечно дарованных этому оружию. Считалось, что его невозможно сломать, и оружие служило напоминанием о несломленном духе Имперских Кулаков перед лицом врага, поджидавшего их в «Железной Клетке». Меч также олицетворял единство легиона во времена сложных решений касательно Второго Основания. Он был выкован из цельного куска высококачественного адаманта и не претерпел никаких изменений с того времени. Крестовина, рукоять и набалдашник были полностью металлическими, тяжелое лезвие было сбалансировано твердой пятигранной призмой с угловатыми краями и лишенными черт лицами. На рукоять был нанесен сетчатый узор и выточены специальные углубления для хвата, а на крестовине были высечены три простых символа: VII. Лезвие было заточено, небольшое пятно на лезвие было тщательно зачищено, поговаривали, что туда упала кровь предателя, когда Дорн зачищал «Железную Клетку».

Лезвие покрылось инеем. Керш мгновенно осознал, что температура в часовне резко упала. Свет ламп потускнел, а хор стал искажать звуки. Кнут выпустил струю пара.

- Это ты, - не поворачиваясь, провозгласил Сдиратель - Фантом.

Ответа не последовало. Керш развернулся, но призрак исчез. Кнут услышал шаги в коридоре. Свет ламп снова стал ярким, а температура вернулась к прежним показателям. Захлопнув крышку контейнера и активировав стазис поле, Керш развернулся как раз в тот момент, когда Гедеон и капеллан Дардарий вошли в часовню. Глаза капеллана сузились, и его лицо стало суровым. Он явно давал понять Кершу, что он не доволен подобной близостью Кнута к мечу. Апотекарий Эзраки присоединился к офицерам, а за ним вошло еще двое незнакомцев. Адептус Астартес. Сдиратели. Первый был капелланом, также облаченный в черную броню, но с накинутым на голову капюшоном цвета Ордена. Второй был облачен в блекло синюю броню библиариума и мантию, выдававшую его ранг эпистолярия. Помимо шлема голову библиария защищал высокий металлический капюшон, как от физических, так и от психических атак. В одной руке эпистолярый сжимал боевую косу, мерцающий кончик силового оружия скрежетал о пол часовни.

- Труп-капитан, - произнес Кнут.

Гедеон поморщился.

- Позволь мне представить капеллана Шадрата и эпистолярия Мелмоха, - произнес капитан, - они приписаны к пятой боевой роте.

Керш взглянул на Эзраки, апотекарий отвел глаза в сторону, а затем перевел взгляд на капеллана Дардария, выражение лица капеллана оставалось суровым. Шадрат и Мелмох прошагали к алтарю, где покоился «Меч Дорна». Шадрат откинул капюшон, явив шлем капеллана. От затылка до челюсти лицевая пластина представляла собой половину черепа. Он постучал пальцами по лобной пластине, затем по решетке шлема и по грудной пластине от левого до правого сердца, в конце ритуала он преклонил колено перед реликвией. Мелмох, чей пронизывающий взгляд и обезоруживающая улыбка совсем не сочетались с жесткими чертами лица псайкера, лишь коснулся губами перчатки и присоединился к капеллану.

- Из пятой не выбрали ни одного участника, - произнес Керш. - Без обид, капеллан.

Шадрат не произнес ни слова, но поднялся с колен и уставился на Кнута сквозь темные линзы шлема. Эпистолярый также перевел взгляд на Керша, улыбка застыла на его лице.

- Значит все дело в Стигмученнике, - заключил Керш. - Вы нашли наш священный стяг?

- Мы - нет, - признал Шадрат, каждое слово словно выплевывалось через решетку шлема капеллана. - Хотя мы потеряли половину наших воинов, пытаюсь найти его.

Выражение лица Керша стало мрачным.

- Я... - начал он.

- ...не могу найти слов, чтобы выразить сожаление об утрате моих братьев, - прервал Сдирателя Шадрат, - как для своей роты, так и для Ордена.

Керш не стал комментировать слова капеллана.

- У вас есть сведения о нахождении Стигмученика или передвижениях предателей, укравших наш стяг?

- наших разведанных недостаточно, - ответил Шадрат. - Противник - специалист по ускользанию от преследователей, как бы мы не старались.

Лицо Кнута приобрело суровые очертания. Не отводя глаз от капеллана он обратился к Гедеону.

- Труп-капитан, мы вернули участников Пира в их роты. Также капеллан Шадрат может разделить радость от победы в состязаниях, но мы должны незамедлительно продолжить наш путь на Эскару.

- Ты не летишь на Эскару, - произнес Гедеон.

- Что? - рявкнул Кнут, наконец, переведя взгляд на труп-капитана.

- Капеллан Дардарий и я проследим, чтобы «Меч Дорна» в целости и сохранности доставили на наш родной мир. Можешь не беспокоиться об этом.

- Я - победитель, чемпион чемпионов. Это - мое право.

Гедеон передал ему информационный планшет.

- Магистр Ордена оказывает тебе великую честь, Кнут. Ты не вернешься к нему и даже не в первую роту. Тебя повысили, Керш. Теперь ты - труп-капитан собственной роты, со всеми полномочиями и ответственностью.

Захария Керш не поверил услышанному. Воцарилась тишина.

- Пятая... - наконец произнес он.

- То, что от нее осталось, - прошипел Шадрат.

Когда Керш не принял планшет от Гедеона, тот шагнул вперед и вложил его в перчатку Кнута.

- Труп-капитан Тадеус мертв. Да здравствует труп-капитан Керш. Твои приказы, труп-капитан, - произнес Геден. - Из Эскары. От самого магистра Ордена.

Керш уставился на планшет.

- Возможно, это какая-то ошибка, - настаивал он. - Астротелепатическая ошибка. Помехи. Искривленная астропатом передача.

- Я принимал сообщение, - вмешался эпистолярный Мелмох, широкая улыбка все еще оставалась на его лице. - Ошибки быть не может. Я лично принял сообщение от магистра Ишабольда. Его распоряжения достаточно конкретны, как вы можете заметить на планшете, который я вам передал. Взгляд Кнута упал на пол. Его разум был во многих световых годах отсюда.

Геден снова заговорил.

- Я взял на себя смелость отослать твоих сервов для упаковки твоих... вещей и перевозки их на «Ангелика Мортис», боевой крейсер, в чьей тени сейчас находится «Шрам». Это твой корабль, труп-капитан. Ты не будешь одинок. Я посылаю с тобой Эзраки. Шадрат сказал мне, что в пятой нет аптекаря, он погиб в бою, да хранит Император его душу. Мы можем обойтись без его талантов на пути к Эскаре. Керш взглянул на аптекаря. Бровь Эзраки слегка приподнялась вверх. Кнут молчал.

- Керш, - произнес Геден. - Это - великая честь.

Лицо Керша преобразилось от осознания новой ответственности.

- Я - труп-капитан пятой... - произнес он.

- Это так, - подтвердил капеллан Шадрат.

- Я могу побыть один?

Мелмох, не меняя выражения лица, кивнул и развернулся к выходу из часовни.

- Как пожелаете, - прошепел Шадрат и последовал за библиарием.

Геден протянул Кнуту перчатку.

- Я знаю, что у нас были разногласия, - произнес он, - но я буду помнить всю жизнь то, что ты сделал для Ордена на арене. Позволь мне первым поздравить тебя, труп-капитан.

Керш не пожал протянутую перчатку. Он повернулся к алтарю. Гедеон опустил руку и кивнул. Такое поведение было характерно для Кнута. Когда он уходил, Кнут снова заговорил.

- Боюсь, ты будешь последним, кто делает это.

Гедеон остановился и снова кивнул.

- Керш, командовать – не значит быть любимчиком, человеком которого боятся или уважают. За ним должны следовать. Каждый труп-капитан находит свой подход. Некоторые выбирают сложный путь, но все мы идем собственной дорогой одиночки, - произнес труп-капитан. – Именно поэтому я оставляю с тобой Эзраки.

С этими словами Гедеон покинул часовню реклюзиама и снова воцарилась тишина.

- Это ошибка, - произнес Керш, глядя на изображения Катафалка и примарха Дорна.

- Как сказал труп-капитан, ты должен совершенствовать свои политические навыки, - произнес Эзраки. – Магистр Ордена никогда не ошибается.

- Я – Кнут, - произнес Керш, словно не слыша аптекаря. – Я был рожден воином. Я создан для убийства.

- Ты – убийца, да. Но и убийц нужно вести, и иногда их должны вести другие убийцы. Ты считаешь, что недостойн этой чести?

Вопрос повис в воздухе.

- Ты – первый Сдиратель, победивший на «Пире Мечей». Первый из нашего рода, завоевавший меч примарха. Продвижение – это просто награда за твои усилия на «Пире». Плюс ко всему ты прошел все ступени, предшествующие этой должности. Ты был плетью отделения.

- Сначала в восьмой, второе отделение. Затем, как Тиберий, в первой.

- Тогда я не вижу в решении магистра никакой ошибки.

- «Пир» - это лишь крупица в восстановлении чести Ордена. Я проклят. Орден потерял стяг и разделяет это проклятие. Я должен взять на себя всю ответственность за потерю стяга и последствия этого поступка. Я был идиотом, думая, что магистр встретит меня с распростертыми объятиями с или без «Меча Дорна». Он не может доверять мне. Повышение - лишь подтверждение этому. Возможность держать меня на расстоянии. Как и отправка на «Пир мечей».

- Из того, что я знаю о магистре, это сильно навряд ли.

- Ты сражался рядом с ним всю свою жизнь, Эзраки? – парировал Керш. – Был его клинком, проливал кровь вместо него или был рядом, когда его жизнь балансировала на грани жизни и смерти?

- Нет, - признал аптекарий.

- Тогда не говори мне о своих наблюдениях со стороны. Я знаю Кезию Ишабольда. Он честный и справедливый магистр, лучший из нас. Он больше чем человек, но в то же время ничто человеческое ему не чуждо. Он умирает. Медленно, в агонии, потому что убийца смог пробить его защиту, не встретив сопротивления с моей стороны. Я – Кнут!

- Ты также и человек, - напомнил ему аптекарий. – Можешь думать об этом повышении как о наказании, но я вижу, как твое человеческое чувство вины пожирает тебя, труп-капитан. Ты достаточно наказываешь себя сам. Ты видишь во Тьме проклятье, но ,возможно, такова воля примарха. Как и Ишабольд, ты также разделил горечь утраты в этой резне на Игнис Прайм. Вы оба чувствуете боль, но у обоих свой путь. «Пир Мечей». Командование ротой.

- Командование? – усмехнулся Керш. – Ты действительно думаешь, что я могу быть командиром? Я – правая рука моего брата и его клинок, а не голос в воксе, раздающий команды. Я не стратег или тактик. Я лучший воин своего Ордена, когда я скрещаю мечи, я не знаю, каков будет мой следующий шаг, в отличие от сотни других достойных. И почему именно пятая?

- В этом и заключается ирония, - признал Эзраки. – Ты думаешь, ты видел истинное неуважение со стороны твоих братьев на «Пире»? Ты ошибаешься. Когда ты встретишься со своей ротой, ты почувствуешь настоящую ненависть.

- Таковую же, как от магистра Ишабольда?

- Возможно. А возможно, магистр хочет, чтобы ты учился, и это будет весьма ценный урок. Ты правильно сказал, мы – отчаянные воины. Мы преодолеваем, и в твоём случае ты должен превозмочь эту ответственность и все, что с ней связано.

- Это твой совет, аптекарий?

Эзраки усмехнулся в ответ.

- Я буду давать тебе советы там, где смогу. Быть труп-капитаном – не значить иметь ответы на все вопросы. Ты будешь вести своих братьев за собой, и это самый простой ответ.

- Я – худший выбор.

- Но, все же, выбран именно ты. Это – бремя командования, и оно обязывает тебя.

Кнут кивнул.

- А теперь, труп-капитан, если позволишь, мне нужно перевести персонал и оборудование на «Ангелику Мортис».

Керш кивнул и аптекарий направился к выходу, оставив его в одиночестве. Сдиратель подошел к алтарю, не отводя глаз от Катафалка и дорна. Он положил шлем и планшет с приказами от магистра Ишабольда перед «Мечом Дорна» и преклонил колени перед фресками. Он думал о процессах во время Второго основания. Чувство вины Дорна и последствия введения Кодекса Астартес, разделение легиона на автономные Ордена. Керш перевел взгляд на Деметрия Катафалка, стоявшего рядом с примархом. Капитан, который проливал кровь со своими людьми на стенах Императорского Дворца, при ужасной осаде Магистра Войны. Держался до последнего. Встав между врагом и своим Императором. Заставив предателей платить кровью за каждый шаг. Деметрий Катафалк, первый Сдиратель. Первый магистр Ордена. Кнут опустил перчатку на рукоять гладиуса. Оружие, которое он получил, пополнив ряды Адептус Астартес много лет назад.

- Был ли ты готов? – Обратился Керш к Катафалку.

Четыре человека преклонили колени перед троном кардинала.

- Вы думаете это мудро, так обращаться к Адептус Астартес.

- Как часто мы обращались к космическим десантникам? – понтифик Назимир обратился к брату еkkлeзиархии.

Во взгляде присутствовавших горел огонь неиссякаемой веры, но в то время как кардинал пускал слюни на свое облачение, его приспешники все еще владели искусством коварства.

- Ни одного, - признал соборник Клеменц-Крайцек.

- Они – эгоистичные ублюдки, - вмешался исповедник Тютчев. – Слишком уверенные в своей важности.

- Обычные имперцы боятся их, - произнес Назимир. – Они считают, что в них течет кровь самого Бога-Императора, но на деле Адептус Астартес – лишь мелкие рабы с генами примархов.

- И все же нам стоит их опасаться, - ответил Клеменц-Крайцек. – Глупо думать, что мы сможем заманить их в наши сети и высокомерно разговаривать с ангелами Императора.

- Высокомерие - прерогатива ангелов, - вмешался Тютчев.

- Что ж, буду руководствоваться вашими наставлениями, - произнес архи-дьякон Шедонски. - Но у меня также есть сомнения по поводу использования Адептус Астартес.

- Вы будете вежливо просить их о помощи? - издевательским тоном произнес Назимир.

- Нет...

- Так как ваши усилия будут напрасны. Они не считают важными проблемы смертных.

- Они думают только о себе, - повторил Тютчев, - что характерно для древних гигантов, сражающихся с инопланетными варварами на далеких мирах, и повторяющих ошибки своих провальных крестовых походов.

- Но все же, они выходят за границы, - произнес Назимир, - следуя распоряжениям тысячелетней давности, отданных самим Императором, которого они не считают божеством.

- Они отрицают этот факт.

- Ересь как она есть, - согласился Клеменц-Крайцек.

- Это не первая еретическая мысль Адептус Астартес, - пробормотал Назимир, и четверо священников сотворили в воздухе знак аквилы.

- Возможно, шантаж будет убедительнее, - предложил соборник. - Правда, которая сыграет на амбициях ангелов.

- В этом нет нужды, - настаивал Назимир. - Адептус Астартес были созданы сражаться, а не думать. Подчинение - их культ и обязанность перед Императором и примархами. Будучи военной кастой, они - лучшие, когда дело касается исполнения приказов. Их мощь - оружие, которым управляем мы.

- Что вы знаете о Сдирателях? - произнес Шедонски.

- Они - наследники Дорна и адепты самобичевания. Конечно они - одни из Астартес Презис и в свое время удостаивались множества почестей, оберегая границы с Оком и сражаясь с войсками Черных Походов. Их более ранняя история мне неизвестна.

- Что если все пойдет не по плану? - подал голос Клеменц-Крайцек. - Что если они откажутся?

Назмир обдумал вопрос.

- Третья рота Ангелов Эрадикант пополняет запасы в порту Криил. Довольно большой контингент Белых Консулов двигается в субсектор после победы в Эфезии Небула, на востоке галактики. Есть также Легион Гадюки на Хелллионии Ретикули. Мы можем обратиться к ним.

- Что если они станут неуправляемыми? – не унимался Клеменц-Крайцек.

- Соборник прав, - согласился Шедонски. – Нас уничтожат. Оборонительные войска, расквартированные во дворце – обычные солдаты.

- Не беспокойтесь о нашей безопасности, - заверил их исповедник Тютчев. – Наши братья не позволяют этого.

- Ваша позиция близка к Несущим Возмездие, - предупредил Клеменц-Крайцек.

- На каждую овцу найдется пастух, - ответил тучный исповедник. – Кроме того у нас есть Сестры.

- Решено, - произнес Назмир, Тютчев и Шедонски согласно кивнули, Клеменц-Крайцек последовал их примеру.

Тютчев поцеловал перстень кардинала Понтейна. Его рука была тонкой и слегка подрагивала, кожу покрыли морщины. На одном из пальцев красовалось кольцо со священным символом Адептус Министорум. Поцеловав кольцо, Тютчев сжал руку кардинала. Сломав несколько костей, исповедник вызвал стон у трясущегося епископа.

- Кардинал сказал свое слово, - провозгласил понтифик Назмир. – И через него мы познали волю Императора...

Я привык думать об этом, как о сне, но этот сон – сущий кошмар. Я лежу в своей личной каюте, со всем убранством, коего достоин труп-капитан, звание, к которому я все еще не могу привыкнуть. Чувство клаустрофобии давит на меня. Груз ответственности, никогда не ощущавшийся прежде. Эзраки настаивает, что справлюсь с этим, и я перестану замечать его, как вес доспеха, который я одел в первый раз, став космическим десантником. Я не уверен в этом. Пятьдесят Адептус Астартес и полное отделение скаутов десятой роты теперь живут и умирают под моим командованием. Я чувствую их ожидания, и мне трудно сделать вздох под тяжестью этой ноши. Однако сложное еще впереди. Каждый день в моей голове проносятся слайды. Образы неожиданно возникают во время очищения, брифингов, тренировки и моментов спокойствия в часовне реклюзиума. Убийства, совершенные или увиденные мною, с изменением ракурса от палача к жертве. И всегда – кровь, сопровождаемая страданиями и криками, иногда моими собственными. Когда я не кричу, я издаю рев ярости. Кошмар возникает и рассеивается, заставляя мои сердца биться быстрее, а во рту ощущается медный привкус крови. Сначала я думал, что эти вспышки насилия – всего лишь природа моего

проклятия, и во всем виноват фантом. Я не мог посоветоваться с капелланом Шадратом, поэтому рассказал обо всем Эзраки. Я был удивлен, узнав, что его посещают схожие видения. Дальнейшее расследования аптекаря выявило, что мы не одни видим эти кошмары. Необходимо будет все же поговорить с капелланом. Позади раздается стук в дверь и входит Вефезда, неся таз. Таз дрожит на подносе в ее руках. Если бы я спал, этот звук разбудил бы меня. Таким образом Вефезда сообщает о своем прибытии. Я встаю и сверяю часы. Мы перемещаемся в варпе. За бортом – пространство имматериума, вид, не предназначенный для глаз смертного. «Ангелика Мортис» замедляется и подготавливает варп-двигатели к прыжку в реальное пространство. Я чувствую бурление в животе. Я не могу с уверенностью сказать, специальный ли это прием навигаторов, или нет, но этот прыжок отличается от остальных.

Мне никогда не нравились путешествия в варпе, но я привык к спокойным перемещениям «Шрама». Боевой крейсер, словно тупоносый зверь, просто прет вперед, в нем нет грации и совершенства. Навигатор «Ангелики Мортис», с которым я еще не встречался, направляет корабль, словно лэндрейдер через взрывозащитную дверь. Я чувствую судно подо мной, как оно пробивает преграды и избегает дрейфов, в отличие от «Шрама». Передо мной стоит мой фантом. Он уже стал неприятной привычкой, постоянным спутником в варпе. Его черная броня сияет призрачным светом, озаряющим окружающие его предметы. Кем бы он ни был, призрак стоит в позе охранника, словно я – узник, или тот, кого нужно охранять. Фантом никогда не говорит, он просто стоит здесь и взирает на меня. Дверь открывается, и входят мой сенешаль и ликтор. Они одеты в новые стихари, как и положено сервам труп-капитана Сдирателей. Я моргаю, когда они проходят сквозь бронированную фигуру. Похоже, они не видят его. Это что-то новое. Обычно фантом исчезает, когда появляются смертные. В этот раз он никуда не исчез и продолжил наблюдать за мной. Старый Енох пробормотал официальное приветствие. Он принес свежесмазанный «очиститель» для моего очищения. Я смотрю на мертвого и живых, не понимая, почему я оказался между ними. Я киваю и встаю. Угрюмый Орен ставит таз с водой у моей кровати и присоединяется к своему отцу в моем личном пениториуме. Вефезда держит свой таз перед собой, в нем хлеб и инжир с Эсхары. Я не голоден, поэтому отрицательно машу головой.

- Вы должны поесть, мой господин, чтобы сохранять свои силы, - произносит обератель.

Она ставит таз рядом с кроватью. Я намереваюсь воспользоваться ее предложением, но девочка быстро кладет инжир мне в рот, прежде чем я успеваю что-то сделать. Она походит к тазу с водой и начинает выжимать тряпку. Инжир слаще и приятней, чем тот, который я ел раньше. Пережевав ягоду, я беру еще одну, чтобы заглушить дрожь в желудке. Пока Вефезда готовит мое тело к очищению, старый Енох и Орен готовят мой пениториум для «Облачения в мантию Дорна». В каюту также вошли два нескладный сервитора, они передвигались на гусеничной платформе, неся мой шлем и реликтовые подвески на броню. Мои глаза остановились на мечах, свободно свисавших с ремней. После «мантии Дорна» я облачаюсь в свою броню, каждая пластина керамики закрепляется моими сервами и сервиторами. Проверив и перезарядив свой болт-пистолет, я убираю его в кобуру, пока старый Енох и Орен прикрепляют гладиус к моему боку. Единственное дополнение к броне – цепной меч труп-капитана Тадеуса – наследие пятой роты. Модель «Риза», короткий клинок в форме палаша, превосходное оружие для боя в ограниченных пространствах, таких как туннели, а также в самой гуще битвы. Меч висит на другом боку. Орен передает мне мой шлем, и я покидаю свои апартаменты. Куда бы я не пошел, глаза проходящих мимо утыкаются в пол, а головы опускаются – вынужденный знак признания моего ранга, смешанный с чувством отвращения. Братья пятой роты не растеряли самообладание. Они – Адептус Астартес, гордые воины,

связанные столетиями уз и ритуалов. Однако я замечаю, то, что скрыто за боевыми приготовленияами и ритуалами. Я вижу сжатые челюсти взгляды, пропитанные поражением и утратой. Они ощущают пустоту «Ангелики Мортис» и слышат голоса убитых братьев. Я слышу удары плетью, слишком усердные, чем того предписывает ритуал. Рота наказывает себя, выходя за пределы учений примарха. Палубы пенитории залиты кровью. Ангелы, разгневанные на самих себя, ненавидящие меня; пустые сосуды, в которых собралась ненависть и разочарование. Я проходил все это, и есть лишь одно лекарство. Стать мстителем чести и искупить грехи на поле боя, возмездие – единственная обязанность, для выполнения которой нас создавали. Эта рота – одна большая рана. Я ощущаю это в коридорах и холлах и даже вокруг стола тактического ораториума. Здесь собрались мои офицеры. Лучшие из пятой, в которых я вижу наиболее острое отражение этой боли. И снова я вижу броню, тела и лица, но не глаза. Все глаза опущены в стол. Они не будут смотреть на меня из-за страха, что я обнаружу их ненависть. Чувство, вызванное позором утраты нашего драгоценного Стигмученника и моего разума, когда Тьма завладела мной. Эта же ненависть сжирает их из-за собственных потерь и неудачи с возвращением реликвии Ордена. Все это написано на их лицах также ясно, как инструкции в Кодексе Астартес. Философ Жиллиман не оставил для меня совета в этой книге. Даже наш Деметрий Катафалк не оставил указаний на этот случай в своей «Архитектуре агонии», хотя, я уверен, это стало бы достойной темой его сочинений. Я сижу во главе стола, где половина стульев пуста. Отсутствие героев создает тон данному собранию. И самое худшее – я вижу, как мой фантом уже занял одно из этих мест в дальней части стола. Он наблюдает за мной с хладнокровным спокойствием. Остальные воины не видят его. Я уже привык к этим гротескным очертаниям и стараюсь не замечать его. В воздухе воцарилась тишина. Эзраки также присутствует на собрании. Апотекарий удовлетворен своим новым домом и персоналом, но он также ощущает холод со стороны братьев пятой. Перед ним – специалисты роты: Мелмох, библиарий, приписанный к пятой роте, и одновременно являющийся старшим офицером по астротелепатической связи, он все также улыбается, технодесантник Данкред с непроницаемым лицом, капеллан Шадрат со злой миной на лице, как впрочем, и всегда, скрывая свое лицо под маской своего шлема. Напротив меня сидят труп-командор «Ангелики Мортис» Бартемий, жесткий, как и его манера пустотного маневрирования. Позади него сидят оставшиеся плети отделений: Ишмаил, Йоахим и главная плеть, Юрия Скейс. Скейс – ветеран, о чем свидетельствует его шрамы на лице. Оно – словно уродливая, ухмыляющаяся маска, скрепленная швами и декоративными кольцами. Я ни секунды не сомневаюсь, что его остальная часть тела изрезана вдоль и поперек. Эзраки уже предупредил меня, что Скейс – одна большая проблема. Даже больше чем капеллан Шадрат. Он – легенда роты. Плеть штурмового отделения, его совокупный опыт превышает опыт всего его отделения. Он выживал, получив тяжелейшие ранения на поле боя, и всегда был в гуще битвы, в том числе при попытке отбить Стигмученник у Альфа Легиона на Вейгলেখэване. Его уважают и видят в нем нерушимую силу. Эзраки слышал истории о его неубиваемости, когда при битве на сумеречных равнинах Менга-Дардра, лэндрейдер Черного Легиона врезался в него, проехал по Скейсу гусеницами, после чего плеть, как ни в чем не бывало, вскочил на ноги и ринулся обратно в сердце битвы. Хуже всего, он был правой рукой труп-капитана Тадеуса и, вместе с Шадратом, смог сплотить роту на полях Вейгельхэвана. Все Сдиратели пятой ожидали продвижения Юрии Скейса до труп-капитана. До вмешательства магистра Ордена и моего неожиданного прибытия на «Ангелику Мортис». Выжившие боевые братья пятой были реорганизованы Скейсом в три полных отделения. Он взял под крыло первое, отделение Цикатрикс. Второе, отделение Кастигир, возглавлял правая рука Скейса, плеть отделения Ишмаил, Сдиратель, выкованный из того же металла, что и главная плеть. Брат Йоахим лишь недавно был повышен до плети отделения Ценсура. Йоахим – самый молодой офицер пятой, но его приверженность Скейсу и идеалы – незыблемы, учитывая факт поклонения герою роты. Вместе, трое плетей представляли собой боевое братство пятой роты и общее мнение по поводу моего пребывания на корабле. Единственные боевые братья, оказавшиеся вне влияния Скейса,

были скауты десятой роты под командованием ветерана-плети Кетураха. К счастью, Силас Кетурах не позволял скаутам следовать чужому мнению, кроме него самого. Он не ощущал радости от того, что его неофитам придется пополнить ряды роты под моим командованием. О чем бы мы не говорили, я всегда чувствовал его взгляд, поднятую бровь и огонь в бионических линзах снайпера, буравящих меня. Наконец я заговорил. Уверен, что мои братья восприняли мое молчание, как высокомерие, и их ненависть разгорелась еще сильнее.

- Труп-командор Бартемий, когда, по вашему мнению, мы достигнем Святого Эталберга? - спросил Керш.

Когда Бартимий не ответил, Керш не стал церемониться:

- Я непонятно выразился, брат?

Кнут мгновенно пожалел о своем поступке. Сарказм был проявлением высокомерия, и подобное поведение не было достойно ангела Императора, тем более труп-капитана. Эзраки предупреждал его, что вступать в конфронтацию с ротой - не самая лучшая тактика. Он советовал Кнуту поступать, как подобает офицеру и относиться к людям соответственно. Керш никогда не отличался спокойствием и сдержанностью, а негативное отношение к нему со стороны офицеров лишь подливало масло в огонь. Все это было топливом для рака, пожирающего пятую роту.

- Мы удачно преодолели путь в варп-пространстве, - пробормотал командор Сдирателей с нескрываемым призранием.

- Говорите громче, сэр! - рявкнул Керш. - Это - тактический ораториум, а не ваша палуба, а я - не один из ваших дронов, труп-командор.

Бартимий уставился на Кнута. Повысив голос, он повторил:

- Мы двигаемся с полусветовой скоростью.

- Почему так медленно? Разве я не приказывал двигаться к кардинальскому миру на самой высокой скорости?

- Это - самая высокая скорость, - рявкнул в ответ Бартемий. - Система наводнена судами Адептус Министорум и им подобными.

- Принято, - ответил Керш. - А что с турбулентностью?

- Сэр?

- Я чувствовал каждый толчок и поворот внутренностями своего живота. Мы столкнулись с какими-то препятствиями во время прыжка?

- «Ангелика Морти» - первоклассный крейсер, ветеран своего класса... - начал Бартемий.

- Я не сомневаюсь, труп-командор, - ответил Кнут. - У меня нет претензий к кораблю, только к путешествию.

Черты лица Бартемия немного расслабились.

- Вопли в имматериуме и штормы - характерны для мест, близких к Оку. Возможно, мы пролетали рядом с конвоем или флотилией, как раз рядом с точкой их входа в пространство.

- Возможно, труп-командор?

- Да.

- Возможно, что это флот или армада, или конвой?

- Я не могу сказать наверняка...

- Мы должны быть уверены, не так ли? Работайте вместе с эпистолярием, чтобы передавать ваши наблюдения на Кадию и Ципра Мунди. Эти сведения можно будет добавить к уже собранной информации. Это может быть Черный Поход, который постоянно пытается напасть из Ока.

- Я думаю, это вряд ли... - парировал Бартимий.

- А я думаю, что мы не должны утверждать, что знаем, что творится в голове у Осквернителя.

- Это не Осквернитель, - вмешался капеллан Шадрат.

- Духовное провидение, капеллан? - Керш повернулся к Сдирателю. - Позвольте напомнить о жертвах прошлых походов, которые думали также до того, как их настигла смерть.

- Это комета Киилер, - прошипел Шадрат сквозь решетку шлема.

- Может еще звездный гейзер, капеллан? - съязвил Керш. - Спектр твоих талантов не имеет границ. Не скажешь, как этот объект мог вызвать колебания в варпе?

- Это тело сверхъестественной природы, мой господин, - вмешался Мелмох.

Библиарий перевел взгляд на капеллана, а затем снова взглянул на Керша.

- Записи говорят о том, что это тело возвращается через долгий период времени, последний раз она появлялась в сегментуме десять тысяч лет назад. По возвращении в систему оно прошло через Око Ужаса. Кроваво-красная комета с хвостом и непредсказуемым курсом.

- Как у кометы может быть непредсказуемый курс? – удивленно спросил Керш. – У нее есть орбита, и она подчиняется законам гравитации.

- Не Киилер, сэр, - настаивал эпистолярый. – Похоже, у нее есть разум.

- Откуда ты знаешь об этом?

- «Древний Путешественник», сэр. Пикт первоначального тела, с древних времен, снятый летописцем Евфратией Киилер.

- Евфратия Киилер?

- Да, труп-капитан. Святая Евфратия – пророк Бога-Императора.

- Бог-Император? – переспросил Керш. - Я смотрю, ты отличаешься от обычных Адептус Астартес, раз веришь в эти выдумки смертных. Не находишь, что это слегка заносчиво?

- Прошу прощения, сэр, - ответил Мелмох. – Мои собратья полагают, что тот дар, которым мы обладаем, является именно выражением Его божественности.

- Кое-кто из моих «собратьев», как ты выражаешься, библиарий, считает также, но мы имеем то, что мы имеем, вне зависимости от чьей-либо воли.

- Я не первый Адептус Астартес, разделяющий эти взгляды, - улыбаясь, произнес Мелмох.

- Что ж, - произнес Керш, поднося перчатку ко лбу. – Все мы узнаем что-то новое сегодня. Наверное, мне стоило проводить больше времени в библиариуме, а не в тренировочных клетках.

- Ваши достижения привели вас в сегментум, господин. Появление кометы – весьма редкое явление.

Труп-капитан кивнул. Из библиария выйдет неплохой дипломат. Керш действительно выбыл из

строю на время, но псайкер лишь коснулся его достижений на «Пире Мечей», и Керш был благодарен ему за это. Библиарий ничего не сказал о том времени, когда он был потерян во Тьме. Керш стал ковырять металлический шар в месте, где раньше был его глаз. Это стало привычкой в моменты размышлений. Потеряв глаз на «Пире», он часто чесал пальцем вставленный металлический протез.

- Что скажите по поводу тех ведений, которые случались у братьев, капеллан Шадрат? – продолжил Керш. – Апотекарий проинформировал меня, что он проверил воду, провизию и системы жизнеобеспечения, но ничего там не обнаружил. Я полагаю, есть другое объяснение, может эффект от этой кометы, о которой говорит Мелмох.

- Я считаю, что здесь не обошлось без влияния кометы, - ответил капеллан, - но я не выявил следы разложения и иных признаков ереси. На данный момент у меня нет полной информации.

- Я начинаю понимать, что ты чувствуешь, капеллан, - произнес Керш. – Что ж, пока ты выясняешь причину, мы будем беспокоиться о наших бессмертных душах.

Прежде чем Шадрат успел ответить, Кнут резко сменил тему, обращаясь к технадесантнику Данкреду.

- Брат Данкред, в каком состоянии находятся «Громовые ястребы» роты?

Две силовые серво руки на ранце технадесантника пришли в движение, потрескивая от искрящейся энергии. Лицо Данкреда ожило, шестерни и зубцы заработали в унисон.

- Два «Громовых ястреба» потеряны для нас, труп-капитан, - произнес Данкред. – Во время атаки на Игнис Прайм, «Инвитиан» был уничтожен на взлетной площадке гарнизона Ордена. «Бичующийся» вернулся на базу, но получил серьезные повреждения, восстановлению не подлежит. Я провел соответствующие ритуалы и упокоил дух павшей машины. Однако машина сослужит Ордену своими запчастями для «Деметрия Катафалка III» и почтенной «Рукавицы». «Импунитас» не принимал участие ни в первоначальной операции, ни в операции на Игнис Прайм.

- Импунитас – наш единственный полностью функционируемый корабль?

- Так точно, труп-капитан.

- Так не пойдет, брат Данкред, - произнес Керш. – Пятой роте понадобится все доступное вооружение.

- «Рукавица» - наш старейший «Громовой Ястреб». Его мощь будет в вашем распоряжении в кротчайшее время, господин.

- Удостоверься в этом, брат, - произнес Кнут, и уже более мягким тоном добавил, - и знай, что твои усилия оценены.

Сдиратель повернулся к Эзраки.

- У тебя была возможность оценить состояние гено-семени?

- Апотекарий Филемон собрал прогеноиды павших и умирающих еще в гарнизоне Ордена, как того требовала его священная обязанность, - отчитался Эзраки. - Он погиб во время второй засады Альфа Легиона вместе с труп-капитаном Тадеусом. Отделение Цикатрикс отбило атаку предателей и забрало тела погибших.

Апотекарий кивнул угрюмому Скейсу в знак благодарности. Плеть не ожидал подобного дипломатического шага и слегка кивнул в ответ.

- Старшая плеть Скейс и его люди спасли собранное гено-семя и рота у них в долгу.

Но Керши не проняли слова апотекария.

- Что с семенем?

- В целости и сохранности и сейчас находится в контейнерах апотекариона...

- А что насчет братьев, кому оно принадлежало? - взорвался Скейс.

Он встал и обрушил перчатки на поверхность стола.

- Кто знает об их цене?

- Сядь, брат, - приказал Керш.

- Не буду.

- Что ты еще можешь для них сделать, плеть? - прервал Эзраки. - Разве ты не провел соответствующие ритуалы?

- Он говорит не о ритуале, - прошипел Шадрат.

- Он говорит о возмездии, - произнес Керш. - Он говорит о даре боевого брата своим боевым товарищам: месть.

- У тебя есть информация от Ангелов Эрадикант о том, что Альфа Легион обнаружен в ульях Мира Роршаха, и ты ничего не делаешь, - стал обвинять Керша Скейс.

- Ты считаешь, что я скрываюсь за броней крейсера, боясь встретить врага лицом к лицу? - сквозь зубы проскрежетал Керш. - Мрази, из-за которой мы потеряли дорогих для нас людей?

Скейс обдумал слова труп-капитана.

- Ты - Кнут. Победитель «Пира Мечей». В тебе нет трусости... и все же слабина нашлась.

В мгновение ока Керш был на ногах, отшвырнув стул, на котором сидел. Оба Сдирателя положили перчатки на эфесы своего оружия. Керш сжал рукоять цепного меча, Скейс - силовой секиры, висящей прямо под коротким мечом.

- Надавил на больной нерв, Кнут? Собираешься разрубить меня мечом моего труп-капитана?

Губы Керша скривились.

- Я прочувствовал твою боль, - честно ответил Кнут. - Никто не хочет встретиться с Альфа Легионом больше, чем я. У них Стигмученник, и я не смогу восстановить свою честь без него. Я поклялся на мече примарха, что найду его, и кровь людей, пытавшихся вернуть его - на моих руках.

Керш отпустил рукоять и протянул ладони вперед.

- Знай, что потеря Стигмученника - самое страшное наказание для меня. Поэтому будь уверен, верная плеть, сегодня не прольется ничья кровь. Как труп-капитан я не позволю этому случиться.

- Этого мало...

- Что ж, пока этого достаточно, старшая плеть Скейс.

Скейс оглядел присутствующих, застывших в ожидании развязки. Отпустив рукоять секиры, плеть медленно сел на место.

- Я у меня есть приказ, - произнес Керш, обращаясь ко всем присутствующим, но не сводя глаз со Скейса, - как и у вас. Причина, по которой мы не летим на мир Роршах - распоряжение магистра Ишабольда. Его приказ - прибыть на Святой Эतालберг. И мы выполним его.

Присутствующие кивнули в знак подчинения.

Вошел серв. Поклонившись Кершу, он что-то прошептал на ухо командору Бартимию.

- Мы входим в систему кардинальского мира, - передал присутствующим Бартимий.

- Приготовьтесь к варп-перемещению, - приказал Керш, кивком разрешив командору покинуть ораториум.

Когда молодой Йоахим и Ишмаил поднялись со своих мест, Кнут повернулся к ним.

- Стоять! - рявкнул он, заставив плетей вернуться на свои места.

- Чертово неповиновение, - произнес Керш. - Вы уйдете только тогда, когда я отпущу вас, не раньше.

Он повернулся к Скейсу.

- Вы забылись, но я прощаю вас, так как вы последовали плохому примеру старшины Скейса. Я применю к нему меру наказания в виде прекращения участия в ритуале на три дня. За это время он должен считать себя недостойным облачаться в «мантию Дорна».

Капеллан Шадрат резко развернулся. Ишмаил и Йоахим застыли, не веря своим ушам. Скейс был взбешен, но молчал.

- Бичевание плоти - право любого Сдирателя, - гаркнул плетью Ишмаил.

- Нет, брат, - парировал Керш, - ты не прав. Единение с примархом - привилегия, которая не доступна тем, кто не следует его идеалам. Я уверен, капеллан Шадрат согласится со мной.

Шадрат молчал.

- Тогда я присоединяюсь, - произнес Ишмаил.

- И я, - отозвался Йоахим.

- Как пожелаете, - произнес Керш. - Я принял к сведению признание вашей некомпетентности. Капеллан проследит за выполнением наказания.

В ораториуме повисла гробовая тишина.

- Разойтись.

Когда в ораториуме остался только Эзраки, аптекарий обратился к Кершу.

- Совещание должно было пройти... мягче, - произнес аптекарий.

Однако Керш был не в настроении обсуждать эту тему.

- Почему бы тебе не применить свои таланты к раненой чести моих офицеров? – огрызнулся Керш.

- Боюсь, твои раны – за гранью моих талантов, - признал Эзраки.

Керш кивнул Эзраки. Аптекарий двинулся к выходу.

- Я хочу, чтобы ты сопровождал меня, - произнес Керш, когда тот дошел до дверей ораториума.

- Как скажешь, труп-капитан, - ответил Эзраки.

- Мне нужен человек, который даст мне дельный совет по поводу политики Экклезиархии, - признался Керш. – Я не знаком с кухней Адептус Министорум. Я – плохой политик.

- Думаю, вы уже доказали это сегодня, - произнес Эзраки, позволив себе небольшой смешок.

Керш отыскал своего призрака, сидевшего, словно статуя, и неподвижно взиравшего на труп-капитана.

- На что уставился? – раздраженно огрызнулся Керш.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/667578>